

УДК 37.035.6 + 80

РОЛЬ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РАЗВИТИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

О. А. Гербер (Новосибирск)

В статье анализируется функциональная значимость языковой культуры как определяющий условия развития национального образования. Феномен языковой культуры рассматривается в контексте исторического развития образовательного процесса в анклаве российских немцев в 1920–1930-е гг. Автор акцентирует внимание на тезисе о том, что разрушение языковой культуры как одного из субстанциональных оснований национального самосознания является нарушением официально провозглашенного права на образование на родном языке, а его восстановление – это одно из условий вхождения современной России в глобализирующийся мир.

Ключевые слова: язык, культура, языковая культура, самосознание, национальное самосознание, право на образование, национальное образование, нарушение права на образование на родном языке, современное языковое пространство.

THE ROLE OF LINGUISTIC CULTURE IN THE DEVELOPMENT OF NATIONAL EDUCATION: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

O. A. Gerber (Novosibirsk)

The functional significance of linguistic culture as a decisive factor of the national education development is analyzed in the article. The linguistic culture phenomenon is considered in the context of historical development of the educational process in the Siberian Germans enclave in the 20-30s of the XX-th century. The author emphasizes the idea that the destruction of the linguistic culture as one of substantive bases of national identity is a violation of the officially proclaimed right to be educated in native language, and its reconstruction is one of the conditions for modern Russia to enter the global world.

Key words: language, culture, linguistic culture, self-identity, national identity, educational right, national education, right to be educated in native language.

Проблемы развития языковой культуры и ее функциональной значимости для развития национального самосознания являются остро актуальными в рамках социально-философского познания и особенно в его специфической и новой области – философии и социологии образования. Сравнительный анализ процессов формирования языковой культуры в различные исторические эпохи актуализирован современными этномиграционными процессами и в силу этого вызывает значительный общественный и научный интерес. Обращение к опыту прошлого, объективный анализ этого

© Гербер О. А., 2013

Гербер Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой философии и истории, Сибирский университет потребительской кооперации.

E-mail: gerberoa@mail.ru

опыта, подкрепленный социологическим материалом, определяет новые перспективы изучения как самой языковой культуры, так и специфики складывания языкового пространства на территории постперестроечной Российской Федерации. Задачей данной статьи является осмысление ситуаций, связанных с национальным образованием и развитием языковой культуры прошлого и современности в их исторической соотнесенности на примере российских немцев. Социологический контекст, выбранный автором, а равно и исторический материал, иллюстрирующий этот контекст, относится к 1920–1930-м гг. Этот исторический фон выбран не случайно, так как именно в этот период наиболее адекватно, по моему мнению, сходятся как достоинства политики в области формирования языковой культуры у конкретных этнических групп, так и их недостатки, проявляющиеся и в настоящее время.

Национальная языковая политика в России всегда характеризовалась относительной толерантностью по отношению к нерусским языкам и культурам. Эта тенденция сохранилась и первые годы Советской власти. Тезис о том, что «великодержавный шовинизм» является более опасным врагом, чем проявление местного национализма, утвердившийся в 1920-е гг., позволял уделять большое внимание теории и практике развития этнического многообразия в его правовой, культурной и языковой формах. Политика в области школьного образования РСФСР, как составная часть общегосударственной политики в области образования, основывалась на Декларации прав народов России (1917 г.), в которой провозглашались равенство всех народов, отмена национально-религиозных привилегий и ограничений. Постановлением Наркомпроса «О школах национальных меньшинств» (31 октября 1918г.) в качестве базового был определен следующий принцип – право всех народов на организацию обучения на родном языке. Это распространялось как на единую трудовую школу всех ступеней, так и на высшие учебные заведения страны [1, с. 127].

Общий исторический фон необходим для моего дальнейшего анализа, поэтому остановлюсь на нем подробнее. В постреволюционный период школьное образование российских немцев в Сибири продолжало развиваться в рамках созданной в 1917 г. системы немецкого самоуправления в форме национально-культурной автономии. Однако положение резко ухудшилось после снятия школ с государственного содержания и перевода их на местное финансирование. Доля расходов на школьное образование в государственном бюджете резко сократилась: с 10 % в 1920 г. до 2–3 % в 1921 г. [2, с. 47].

В Сибири государственные ассигнования на нужды просвещения сократились еще больше, чем по стране в целом: в 1921/22 учебном году отпуск средств уменьшился в 8 раз по сравнению с 1920/21 учебным годом [3, с. 57]. Сиббюро ЦК РКП (б) 3 января 1922 г. приняло постановление «О налоге в пользу школ», которое должно было способствовать переходу на местное финансирование [4]. Однако далеко не везде удалось создать волостные фонды, предназначенные для содержания школ. На местном бюджете находилось лишь 30 % школ (только губернские и уездные школы) [5, с. 128]. Поэтому высший партийный орган Сибири 12 декабря 1922 г. постановил «считать возможным проведение в принудительном порядке содержания школ за счет сельского населения» [6]. В результате принцип «всеобщего бесплатного обязательного образования», провозглашенный

большевиками и поддержанный на III Западно-Сибирском съезде Советов крестьянских депутатов (январь 1918 г.), был фактически элиминирован из национальной образовательной политики [7, с. 32–50].

Школы в немецких колониях Сибири в первой половине 1920-х гг. существовали в основном за счет самообложения крестьян. В большинстве случаев самообложение осуществлялось путем заключения договоров между крестьянами и отдельными школами. По договору крестьяне обязывались содержать школы, то есть снабжать их топливом, обеспечивать освещением, осуществлять ремонт, уборку и т. п. Для успешности договорной кампании необходимы были два условия: сравнительное материальное благополучие крестьян и непосредственная их заинтересованность в школах. Однако в 1919–1924 гг. экономическое положение немецких деревень резко ухудшилось. Особенно тяжелым становится положение крестьян Славгородского уезда Омской губернии и Рубцовского уезда Алтайской губернии, где в связи с засухой начался голод [8]. В 1923 г. немецкие секции при Алтайском губкоме РКП (б) и Славгородском уездкоме партии провели обследование крестьянских хозяйств. Оно показало ошибочность представлений местных органов власти о немецких хозяйствах как о крепких. В четырех волостях (Орловской, Хортицкой, Ново-Романовской и Подсосновской) Славгородского уезда в продовольственной помощи нуждалось 3643 чел. [9]. В селах Орловской волости голодало 1284 ребенка в возрасте от года до 12 лет [10]. Экономическая основа формирования самообложения школьного образования и языковой культуры приобретает неустойчивый характер. Сокращение школьной сети приняло катастрофический характер к середине 1920-х гг. В 1924 г. в 118 немецких поселках Славгородского уезда работали лишь 24 школы и только 20 % учащихся были обеспечены учебниками. Собрание Омского губоно определило положение немецких школ как бедственное [11]. Если в 1919/20 учебном году в немецких колониях Сибири было 200 школ, то в 1920/21 г. – 160, в 1922/23 г. – 127, в 1923/24 г. – 125. К 1924/25 учебному году усилиями немецких крестьян удалось сохранить лишь 58 школ I ступени из 160 имевшихся в 1920/21 учебном году [12]. В 1925/26 учебном году насчитывалось 77 школ.

Другие детерминанты сокращения школьной сети (с 1919 по 1926 г. в 2,7 раза) были связаны не только с трудностями экономического порядка, но и с отношением органов образования и местной власти в целом к национальным школам. В докладе заведующего отделом Сибкрайкома ВКП(б) Ансона «О работе среди национальных меньшинств» (1925 г.) говорилось о том, что внимание к просвещению среди национальных меньшинств со стороны отделов народного образования, не говоря о других отделах, весьма и весьма скверное. В первую очередь всегда и всюду удовлетворяются требования русских учреждений на открытие и развитие сети и снабжение преподавателей и только во вторую, а иногда и в третью очередь оказываем помощь учреждениям национальных меньшинств. Еще одним ограничением в развитии национального языкового пространства и реализации национального образования стала прямая оппозиция государства и религии. По декрету СНК РСФСР от 20 января 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», преподавание вероучений во всех государственных и общественных учебных заведениях не допускалось. Из школьных библиотек изымалась религиозная литература. Одним из усло-

вий допуска учителей к работе в школе являлся их отказ от религиозной деятельности. Следует отметить, что большая часть учителей немецких школ получили начальное или домашнее образование (прямо связанное с религиозным мировоззрением), что делало их, по оценке Славгородского уездного отдела народного образования, «вполне приемлемыми работниками», но только с «технической» точки зрения. Государственно-партийная позиция по отношению к учителю сводилась к тезису: «Бороться не только за полную антирелигиозность преподавания в школе, но и за полный личный отрыв учителя от религии и с религиозной общиной. Каждый учитель должен быть активным антирелигиозником» [16, с. 363].

Данный подход был прямо противоположным точке зрения самих немцев, которые враждебно относились к учителям, назначаемым отделами образования, и, по мнению родителей, «отчуждали» детей от семьи. В противовес официальной школе население стихийно организовывало собственные школы под видом пунктов по ликвидации неграмотности. Мизерная экономическая база, деструктивное отношение власти, запрет на преподавание религии в школах и отстранение старых учителей – резко ослабили основы формирования национальной и языковой культуры и подорвали сохранность национального языкового пространства российских немцев. Впоследствии это вылилось в прямое недовольство немцев советской властью, что стало одной из основных причин последующей эмиграции или ориентированности на нее.

Исторически позитивным фактом на этом фоне можно считать обновление педагогического сообщества для национальных школ в 1920-е гг. среди учителей национальных школ 50–60 % не имели общей и педагогической подготовки. Вариантом решения данной проблемы стало проведение краткосрочных курсов подготовки учителей. Сроки их проведения, продолжительность, содержание программ определялись губернскими отделами народного образования. Учебный план курсов содержал общеобразовательные и специальные предметы: национальный язык, историю, литературу. Читались лекции о политике правительства, политической ситуации в мире, на антирелигиозные темы. Наркомат просвещения прямо указывал на необходимость использовать курсы для политической работы с учителями. Курсы носили практический характер и проводились в основном во время школьных каникул.

В 1921 г. в Москве открылся Немецкий практический институт народного образования, который в 1923 г. он был преобразован в Центральный немецкий педагогический техникум. Он готовил учителей для школ 2-й ступени, а с 1925 г. – только для школ 1-й ступени. В 1927/28 учебном году было набрано 62 студента, в том числе 10 для Сибири [16, с. 360]. Первый в СССР немецкий педагогический институт был открыт 1 октября 1929 г. в Покровске (Г. Энгельс) [18, с. 31]. И неоднократно ставился вопрос об открытии в Сибири немецкого техникума или немецкого отделения при уже существующих техникумах. Но только после принятия 7 февраля 1930 г. постановления Президиума Сибкрайкома, нацеленного на окончательное преодоление эмигрантских настроений в Славгородском округе, было открыто немецкое отделение в Славгородском педагогическом техникуме. К январю 1932 г. в техникуме имелись две немецкие группы, в которых обучалось 80 чел. [19, с. 201–202]. Однако даже принятые меры не смогли

ликвидировать недостаток учителей в немецких школах, который стал еще острее в период перехода к всеобщему начальному образованию.

Попытка I Сибирского краевого совещания по работе среди национальных меньшинств (1927 г.) повернуть СибОНО лицом к нуждам национальных школ, в том числе и немецких, не увенчалась успехом. Основные директивы совещания, направленные на усиление ассигнования школьного образования, развитие сети национальных школ, укомплектование отделов народного образования инструкторами, обслуживающими национальные меньшинства, не нашли отражения в планах работы СибОНО. Это негативно отражалось как на формировании немецкой автономии, так и на развитии языковой культуры.

В 1928 г. национальные меньшинства по своему удельному весу составляли 18,5 % населения Сибирского края, в том числе немцы – 1,1 %. Несмотря на высокий удельный вес нерусских народов, лишь 6 % из сметы органов народного образования выделялось на нужды национальных школ [23, с. 21–22]. Тем не менее конец 1920-х – начало 1930-х гг. можно считать периодом завершения перехода ко всеобщему начальному обучению немецкого населения. Если в 1927/28 учебном году начальным обучением было охвачено лишь 50 % немецких детей в возрасте 8–11 лет, то в 1929/30 г. – 61, а в 1932/33 г. – 95,8 % [24].

В первой половине 1930-х гг. в немецких поселках Сибири преобладали начальные школы. Между тем задача 2-й пятилетки в области народного образования состояла в переходе ко всеобщему обучению в объеме семилетней школы. В 1934/35 учебном году 11780 немецких детей обучались в 190 начальных школах, и только 1525 детей учились в 5–7-х классах 15 школ. Однако только в 87 школах из 205 обучение учащихся осуществлялось на немецком языке [25]. Это означало, что только 41,7 % (5551 чел.) немецких школьников получали образование на родном языке, а в 42,4 % школ немецкий язык был языком преподавания.

Таким образом, языковое пространство стремительно сокращалось, а языковая культура подверглась деконструкции. В конце 1934 – начале 1935 г. в ходе этнической чистки, которая проводилась как с помощью судебно-карательной системы, так и простым увольнением работников, в том числе и педагогов, начался процесс ликвидации национальных школ, выразившийся в насильственном внедрении русского языка, в замене репрессированных немецких учителей русскими, большинство из которых не владело немецким языком. Только в Немецком районе Западносибирского края в конце 1934 г. было намечено к увольнению 25 % учителей, а по делу так называемой «контрреволюционной фашистской организации» проходило 10 работников народного образования, из них трое были приговорены к высшей мере наказания, 7 чел. – к заключению в концлагеря сроком от 6 до 10 лет [27, с. 49]. Недостатки в организации преподавания русского языка в немецких школах бюро Западносибирского крайкома партии (февраль 1935 г.) расценило как создание условий для изоляции школ от советского влияния. В условиях 1930-х гг. принцип «обязательности» изучения русского языка в нерусских школах, определенный постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) (13 марта 1938 г.), ни у кого не вызывал сомнений. Его выполнение привело к перекосам в национальной политике: закрытию национальных школ, языковой переориентации. В решении Оргбюро ЦК ВКП (б) по Алтайскому краю (13 февраля 1938 г.) «О реорганиза-

ции национальных школ» заявлялось о ненужности национальных школ, якобы наносящих вред делу обучения и воспитания молодежи. Ликвидация Немецкого района (решение ВЦИК по Алтайскому краю от 26 сентября 1938 г.) и национальных сельских Советов завершили процесс закрытия национальных школ.

Таким образом, вторая половина 1930-х гг. стала завершающим этапом в истории немецкой школы. Если еще в 1920-е гг. хоть как-то осуществлялся принцип равноправия языков, а обучение велось на родном языке, то во второй половине 1930-х гг. национальная школа подверглась практической ликвидации.

Запрет национальных школ и развитие всеобщей грамотности исключительно на русском языке стали основными причинами утраты немцами родного языка. В 1938 г. немецкий язык в бывших национальных школах получил статус иностранного.

Итак, предпринятая выше историческая ретроспектива позволяет сделать (по крайней мере) три социально значимых вывода:

– для формирования языковой культуры необходимо формирование и существование такого языкового пространства, которое способствовало бы ее прогрессу. Анализируемая в статье ситуация явно относится к регрессу в вопросах языковой культуры и языка;

– прогрессирование языковой культуры возможно при адекватном позиционировании государства в данном процессе. Это особенно важно, если национальный статус автономии (в нашем случае немецкой) исторически утрачен, а без национального статуса языковая культура исчезает;

– в условиях современной глобализации существующее положение вещей – это недопустимое явление, поскольку мультикультурность является качественным признаком государства, стремящегося занять достойное место в глобализирующемся мире. Поэтому восстановление национального статуса, а вместе с ним языковой культуры и соответствующего ей языкового пространства пока еще является для российских немцев проблемой, имеющей для России международную политическую значимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Директивы** ВКП (б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917–1947 гг. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1947. – Вып. 1. – 272 с.
2. **Королев Ф. Ф., Корнейчик Т. Д., Равкин З. И.** Очерки по истории советской школы и педагогике (1921–1931). – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1961. – 508 с.
3. **Соскин В. Л.** Культурная жизнь Сибири в первые годы новой экономической политики (1921–1923). – Новосибирск : Наука, 1971. – 352 с.
4. **Государственный** архив Новосибирской области (ГАО). Ф.1-П. Оп.2. Д.149. Л.17.
5. **Соскин В. Л.** Развитие материальной базы народного образования в Сибири в первое десятилетие Советской власти // Школа и учительство Сибири. – 20-е начало 30-х гг. – Новосибирск : Наука, 1978. – 318 с.
6. **ГАО.** Ф. 1-П. Оп. 2. Д. 148. Л. 359.
7. **Протоколы** III Западно-Сибирского съезда Советов крестьянских депутатов. – Омск, 1918. – 156 с.
8. **Государственный** архив Алтайского края (ГААК). Ф. 38-П. Оп. 2. Д. 183. Л. 129.
9. **ГААК.** Ф. 37-П. Оп. 4. Д. 211. Л. 15.
10. **ГААК.** Ф. 37-П. Оп. 4. Д. 200. Л. 12.
11. **ГАО.** Ф. 1-П. Оп.4. Д. 587. Л. 10.

12. **По данным:** ГАНО. Ф. 1-П. Оп.1. Д. 81. Л. 9; Д. 413. Л. 84; Д. 1680. Л. 70; Д. 587. Л. 10; Ф. 47. Оп. 1. Д. 44. Л. 182; Ф. 1-П. Оп.1. Д. 1278. Л. 61–64.
13. **По данным:** ГАНО. Ф.47. Оп.1. Д.358. Л.12.
14. **Декреты** Советской власти. – М.: Политиздат, 1957. Т. 1. – 624 с.
15. **Савин А. И.** Советизация немецкой школы Сибири в 1920-е годы // Национально-культурная политика в Сибирском регионе в XX в. – Новосибирск, 2004. – С. 82–96.
16. **Черказьянова И. В., Вибе П. П., Герман А. А., Смирнова Т. Б.** Состояние образования немцев Сибири в 1919–1938 гг. // История и этнография немцев Сибири. – Омск : Изд-во ОГИК музея, 2009. – С. 352–369.
17. **Лукиева Е. Б.** Национальные школы Сибири в 1920-е – начале 1930-х гг. // Национально-культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе в первой трети XX в. – Новосибирск : НГУ, 2005. – С. 307–347.
18. **Ерина Е. М.** Очерки истории культуры немецкой автономии на Волге. – Саратов, 1995. – 247 с.
19. **Черказьянова И. В.** Немецкая национальная школа в Сибири (XVIII в. – 1938 г.). – М., 2000. – 308 с.
20. **Народное образование в СССР. 1917-1973 гг. : сб. док.** – М. : Педагогика, 1974 – 287 с.
21. **Первый** краевой съезд Советов Сибири (3–9 декабря 1925 г.) : стеногр. отчет. – Новосибирск : НГУ, 1993. – 223 с.
22. **ГАНО.** Ф.47. Оп.1. Д.359. Л. 168, 175.
23. **Вопросы** культурного строительства в Сибирском крае. – Новосибирск, 1928. – 116 с.
24. **ГАНО.** Ф. 47. Д. 740. Л. 37; Д. 1408. Л. 10; Д. 1519. Л. 309; Д. 1864. Л. 127.
25. **ГАНО.** Ф. 3-П. Оп. 9. Д. 1057. Л. 425, 708.
26. **ГАНО.** Ф. 47. Оп. 5. Д. 198. Л.10, 19-24; Д. 146. Л. 288, 289.
27. **Гербер О. А.** К проблеме формирования материальной базы школьного образования немцев Сибири // Немцы Сибири: история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Омск, 1995. – С. 106–114.
28. **Герман А. А.** Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. – Саратов, 1994. – Ч. 2. – 411 с.

Принята редакцией 25.01.2013